

СЕРГЕЙ ТЮЛЕНЕВ

УЛЫБКА ПЕЛИКЕНА

РАССКАЗЫ О ЧУКОТКЕ

Сергей Тюленев
Улыбка Пеликена

«Э.РА»

2011

Тюленев С.

Улыбка Пеликена / С. Тюленев — «Э.РА», 2011

Доброта, очень тонкая и еле уловимая материя, ее не ощущают пальцы, она скользит, как вода, но если коснется сознания и начнет дышать твоими мыслями, ты, даже когда скучаешь, все равно радуешься. Эти рассказы о Севере, дань, живущей в каждом из нас чувстве искренней доброты, желании беречь и любить свою семью. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Тюленев С., 2011

© Э.РА, 2011

Содержание

Пролог	5
Теща – иностранный агент	8
Взвейтесь соколы американскими орлами	13
Четыре восьмерки Дракона	16
Хана, белые вернулись!	20
Пурга и замерзшие колени	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Тюленев

Улыбка Пеликена

Моим северным друзьям и замерзшим коленям жены посвящается

Пролог

Глеб проснулся и открыл глаза. Голова болела, изжога сжигала горло, печень стонала умирающими от алкоголя клетками.

– Е мое, ну зачем же было столько есть и пить! Да еще на ночь.

Он поднялся, отекавшие ноги были ватными, левую ступню покалывали иголки онемения.

– Что у меня стал за характер? Утром пью таблетки для похудения, днем пытаюсь качать пресс, а за ужином баранину с виноградной самогонкой как не в себя запихиваю!

Он прошел в ванную и встал на весы.

– Титская сила! Сто тринадцать килограммов! Все, с ночными посиделками нужно завязывать. Клянусь. – Глеб подошел к зеркалу и оценивающе похлопал свой живот. – Начинаю новую жизнь. Занимаюсь спортом, уменьшаю количество еды, а главное – прекращаю болтать и верховодить за столом. Что меня вчера понесло? Опять стал рассказывать свои чукотские байки. Вика уже и рот мне затыкала, и одеяло на себя тянула своими новинками косметическими, так нет же, я все-таки заставил всех слушать себя, и наливал, наливал...

– Эй, это ты там бубнишь себе под нос? – услышал он голос жены.

– Я! А кого еще ты тут можешь услышать?

Виктория появилась на пороге ванной комнаты, мягкая улыбка святилась на ее лице. Было видно, что жена сочувствует его состоянию.

– Ну что, я вчера опять никому не дал и рта раскрыть?

– Да уж, несло тебя, не остановить!

– Вот, это ты во всем виновата! Знаешь же, что мне много пить нельзя. Вон, нога отекала, еле хожу сегодня.

– Конечно, – засмеялась Виктория, – я у тебя всю жизнь виновата. Ты водку пьешь, на ночь мясо трескаешь, а крайняя опять я? А уж как твой чукотский расколбас всем надоел, ты бы знал!

– Как это надоел? Это моя юность! Ну, согласись, лучшие годы нашей жизни связаны с севером. Ты помнишь...

– Нет-нет-нет, уволь, – перебила жена. – Давай, принимай душ, брейся и к столу, завтракать. – Она вышла, прикрыв за собой дверь.

Глеб тяжело переступил через край ванной, задвинул шторку и включил прохладную воду. Холод заставил его инстинктивно открыть рот и глубоко вздохнуть, но уже через несколько секунд принес приятное состояние ослабления тисков алкогольного похмелья.

Зубная паста, бритва, одеколон сделали свое дело, возвращая его лицу и телу аккуратность и здоровье.

Выйдя из ванной он, минуя кухню, сразу прошел на балкон. Стол был накрыт, над чашкой кофе и жареными ломтиками бекона с фасолью поднимался дымок, несущий в себе ароматы утра и начала нового дня.

– А что, Вика, как ты считаешь, – сказал Глеб, приступая к еде, – если я напишу книгу и назову ее... – Он задумался, запустил вилку с беконом в рот и, медленно пережевывая, произнес: – Улыбка Пеликена¹.

– Вот-вот, – раскуривая сигарету, ответила Виктория. – Пусть хоть кто-то еще помучается вместе с нами.

– Я тебе серьезно говорю, женщина! Мне в двадцать восемь лет доверили руководить Чукоткой! – Глеб многозначительно поднял указательный палец вверх, подчеркивая важность сказанных им слов.

– О, вспомнил! – Она пустила дым колечками и хитро прищурилась. – И потом, насколько я помню, не всей Чукоткой, а только Анадырским районом. Или со временем ты себя повысил?..

– Вот ты язва. – Глеб отпил кофе и продолжил: – Тебе что, больше всех надо? Ты же знаешь, что это центральный и по территории – самый большой район, я на вертолете из одного села в другое три часа летал. Нет, с тобой каши не сварить! – Он отодвинул пустую тарелку, привычно провел пальцами по месту, где еще совсем недавно были усы, и пошел в комнату одеваться.

– Ты что, серьезно? – выкрикнула Виктория и, поднявшись, пошла следом за мужем.

– А что, думаешь, не получится?

– Нет, просто у меня для тебя полно реальной работы, если уж ты такой деятельный с утра проснулся.

– Например? – Глеб переоделся и подошел к жене, перегородившей ему выход из комнаты.

– Мне очень нужно покрасить стенки в двух комнатах салона, плинтуса в нескольких местах отошли, наличка на моей двери отклеилась...

¹ Пеликен – божок народов крайнего севера, <http://www.peliken.ru> (прим. ред.)

Глеб наклонился и поцелует прервал перечисления накопившихся в ее косметическом салоне проблем.

– Что? – сказала она, когда он наконец-то дал ей вздохнуть.

– Ничего! Не царское это дело – заборы красить! У меня муза в одном месте свербит, а ты «плинтус отошел». И вообще, отойди в сторону, и дай молодому писателю дорогу.

– Я тебе сейчас дам! Такую тебе дам...

– О-о-о, пожалуй, ради дам я могу немного задержаться...

Виктория рассмеялась, пропуская его вперед, и для ускорения даже хлопнула мужа по плечу.

– Иди уже! Только что умирал! «Голова болит, нога затекла», а чуть услышал знакомое слово, взвился как молодой.

Смеясь, они подошли к выходу из квартиры.

– Глеб, ты что, не шутишь? Хочешь книгу писать?

– Никаких сомнений! Разве я в своей жизни, взявшись за что-то, не доводил это до логического конца?

Он наклонился, поцеловал жену в щечку, подмигнул и, закрыв за собой дверь, спустился на первый этаж, в офис.

Включив кондиционер, сел за стол. Часы на стене быстро вращали секундную стрелку, за окном по улице шли люди, старая мебель, привезенная им из Индии, подыгрывала таинству начала.

Глеб просидел без движения минут десять, глубоко вздохнул, произнес:

– С Богом!

И, подвинув клавиатуру компьютера ближе к себе, написал: «Моим северным друзьям и замерзшим коленям жены посвящается» Рассказы о Чукотке...

Теща – иностранный агент

За окном, несмотря на девять часов утра, темень. Ветер завывает в оконных рамах, на улице минус тридцать, а на кухонном календаре – восьмое марта.

В честь праздника Глеб разрешил себе немного поспать. Он слышал, как поднялись Виктория и четырехлетняя дочь, Шурка. Чувствовал, что они стараются не шуметь, давая ему в один из немногих выходных понежиться в постели.

Неожиданно дверь скрипнула, и на пороге спальни появилось курносое лицо. Глеб закрыл глаза и, притворившись спящим, ритмично засопел. Дверь закрылась, и громкий голос за ней объявил:

– Мама, мама, он еще спит, давай будем завтракать!

– Нет! Ишь ты, какие, – улыбаясь, произнес Глеб, забегаая на кухню следом за дочерью.

Поцелуи, смех и счастье по случаю успешно выполненной провокации под названием «пригласить папу завтракать» придали всем настроения и желания начинать праздновать международный женский день прямо с самого утра. Когда дочери был торжественно вручен комплект розовой мебели для куклы Барби, а жене подарена электрическая мясорубка, Глеб, еще раз собрав поцелуи своих любимых женщин, открыл бутылку шампанского и наполнил фужеры.

Завтрак, с красной икрой и домашнего посола кетой, – атрибутом застолья каждой чукотской семьи, прошел на волне радости и семейного общения.

К одиннадцати часам солнце красной полоской осветило горизонт, градусник за окном сжалился и снизил температуру до минус двадцати восьми. Шурка расставила свою новую мебель и рассадила на нее кукол. Виктория, поставив локти на стол, опустила свои маленькие щечки на кулачки и, не отрывая взгляда от еще жующего мужа, произнесла:

– Когда поедем встречать маму?

Глеб посмотрел на часы, за окно и, пробежав глазами по пустым тарелкам, произнес:

– Через полчаса за нами приедет вездеход.

– Вездеход? Ты что, смеешься?

Он улыбнулся, и именно это выдало его намерение немного поддразнить жену.

– А-а, обманщик! Вижу, вижу твои хитрые глазки! Меня не проведешь. Скажи честно, поедем на твоей новой белой Волге?

– Да ну, что ты! Вдруг дунет, как обратно через лиман по зимнику вернемся? А потом, Волга у меня – секретаря обкома встречать, а для тещи прекрасно подойдет уазик.

– Вот ты какой, значит. – Виктория стала убирать со стола. – Теща тебе столько вкусенького везет, а ты ее на «козле» встречать хочешь! Посмотри в окошко, солнце встает, ни ветра, ни пурги сегодня не предвидится, дорога через лиман почищена, ну...

Она подошла к нему, обняла мокрыми руками и, заглядывая в глаза, промурлыкала хитрым голосом:

– Мамочку на Волге, ну, пожалуйста.

Глеб усмехнулся, в голове его промелькнул образ тещи, толкающей машину, застрявшую на снежном перемете.

– Хорошо, я тебя предупредил. И если, пока мы будем ее ждать, посыплет снежок, именно ты с мамой будешь в этом виновата.

Виктория чмокнула его в нос и, довольная тем, что добилась своего, вернулась к посуде. Поднявшись, Глеб прошел в коридор и, щелкнув тумблером радиации, одел наушники с микрофоном.

– Николаич, как там погода?

– Глеб Михайлович, да все нормально. Ветер не сильный, снега не ожидается, я готов выезжать.

– Николаич, как смотришь, если поедem на Волге?

– Как скажете, так и поедem.

– Ну, тогда через тридцать минут у моего подъезда.

Глеб выключил рацию и, почувствовав, что кто-то сверлит взглядом его спину, обернулся. Виктория, довольно потирая руки, состроила ему гримасу, показала язык и исчезла из коридора.

Дорога через лиман от Анадыря в аэропорт заняла минут сорок. Белая Волга, единственный в этом месте легковой автомобиль, на фоне торосов и идущих по зимнику трехосных большегрузов смотрелась так же нелепо, как балерина, в пачке и пуантах, спустившаяся в забой добывать уголь. И, наверное, именно поэтому, на протяжении всего следования, они видели на лицах водителей встречных машин удивление и улыбки.

Виктории эта нелепость нравилась. Шампанское и мороз выкрасили ее щеки румянцем, предвкушение встречи с матерью прыгало в ней хулиганистым чертенком и она, взяв Глеба за руку, периодически сжимала его ладонь, проявляя так свое состояние нетерпения.

Когда райкомовская Волга подъехала к главному входу в аэровокзал, на крыльце стояли все, кто хоть как-то и за что-то отвечал.

Начальник аэропорта, секретарь партийной организации, начальник линейного пункта милиции, майор-пограничник и летун в подполковничьих погонах.

– Здравствуйте, – сказал Глеб, выходя из машины. – Чего это вам всем в праздник дома не сидится? Сейчас ваши жены мне кости-то помогут!

– Да ну что вы, Глеб Михайлович! – произнесли они почти хором, здороваясь с секретарем райкома партии.

– Братцы, да у меня частное дело. Вот. – Глеб показал рукой на стоящую рядом Викторию. – Мы с женой приехали встретить Хабаровский самолет. Теща летит.

– Сел уже, – быстро ответил парторг.

Глеб, за руку, которого держалась Виктория, сопровождаемый группой из ответственных работников, прошел в маленький зал прилета.

Разговор ни о чем больше походил на вежливую стратегию ожидания. Начальники стояли вокруг него плотным кольцом, улыбались, шутили и очень сильно ждали, когда появиться теща секретаря, и партийная шишка укатит обратно в свой Анадырь. Предвкушение накрытого у парторга стола и красиво разложенных по тарелкам закусок наполняли их рот периодически сглатываемой слюной, и неожиданно свалившийся на их голову секретарь превращал желание начать отмечать женский праздник в пытку.

Наконец-то стали выходить первые пассажиры, а грузчики – вносить чемоданы прилетевших. Виктория, вытягивая шею, приподнялась на носочки.

– А-а, вот-вот! Это мамины чемоданы, – сказала она и, подбежав к узанному ею багажу, радостно села на них, всем своим видом давая понять, что теперь это принадлежит ей.

Но вскоре все, кто прилетел, вышли, и в углу зала никого, кроме сидящей на чемоданах Виктории, не осталось. В глазах ее читались удивление и испуг. Глеб, после небольшой паузы общего молчания и непонимания происходящего, промерив взглядом каждого из присутствующих, произнес:

– Мне кто-то может объяснить, как это может быть? Багаж прилетел в пограничную зону, причем, строго охраняемую, на гражданский, а главное – военный стратегический аэродром, а пассажира нет.

– Да нет, – первым на вопрос, отреагировал пограничник, – она, наверное, замешкалась где-то. Сейчас появиться, вот увидите!

Дурацкая тишина и уже влажные глаза Виктории натягивали нервы присутствующих. Начальник аэропорта, щелкнув рацией, заставил всех вздрогнуть.

– Эй, наземные, кто меня слышит? Что, в самолете кто-то еще остался?

– Нет, все пассажиры вышли!

В воздухе добавилось напряжения и немых вопросов. Виктория встала и медленно подошла к мужу.

– Глеб, это точно мамины чемоданы, я не ошибаюсь!

– Так, – обратился он ко всем, – давайте, проверяйте списки прилетевших, ищите Колесову Тамару Петровну, тридцать второго года рождения. Свяжитесь с Хабаровском, может, ей стало плохо, и ее сняли с рейса в последний момент? Ищите, не стойте тут рядом со мной!

Секунда, и вокруг Глеба никого, кроме Виктории, не осталось. Настроение таяло, ощущение праздника сменилось тревогой и пугающей неизвестностью.

– Пойдем, дорогуша, – сказал он жене, поднимая чемоданы, – отнесем их в машину.

Виктория тяжело вздохнула и пошла следом за мужем. Убрав багаж, он попросил жену подождать его в Волге, а сам вернулся в здание аэровокзала.

– Ну, что? – переступая порог кабинета начальника пограничной службы громко, в тональности гвоздя, вбитого одним ударом молотка, спросил Глеб.

– Товарищ секретарь! – Выпрямил спину майор. – Пока ничего не понятно. В списках вашей тещи нет, и на рейс она тоже не регистрировалась. Багаж ее прилетел, но как он попал на борт самолета – никто не знает.

– Вот это да, вот это замечательно! – выкрикнул Глеб.

В кабинет пограничника вошли начальник милиции и парторг.

– Попробуйте мне все вместе объяснить! Вчера я получаю телеграмму, где моя теща пишет, что вылетает этим рейсом. Сегодня я вижу ее прилетевшие чемоданы, а ее самой нигде нет. Что это у вас твориться, товарищи начальники, отвечающие за безопасность полетов и секретность проникновения в пограничную зону. Молчите?!

Присутствующие, опустив глаза и головы, прощались, самое меньшее, с накрытым у парторга столом, а в качестве наибольшего – холодели от мысли, что организованная спецслужбами совместно с тещей секретаря райкома партии проверка выявила их халатность, а может, даже и профессиональную непригодность.

– Значит, так, – сказал секретарь голосом железного Феликса. – Завтра – докладные записки на стол мне и председателю комитета государственной безопасности. У нас на взлетной полосе новейшие МИГИ, а у вас два чемодана без пассажира в здании аэровокзала посреди зала стоят. А если бы там была взрывчатка?

Присутствующие в ужасе подняли глаза на секретаря.

– Это же сорок килограммов тротила, не меньше! Можете представить последствия такого взрыва? Стоите тут, глазами хлопаете. Всех, слышите – всех, вплоть до тети Мани-уборщицы разыскать, взять объяснительные и ко мне с докладом!

Глеб развернулся и пошел к машине. Он нервничал. Пропавшая куда-то теща, а вместе с ней и исчезающая перспектива праздничного ужина, огорчала его. Дорогой они с женой молчали, не зная, как комментировать произошедшее, но, переступив порог входной двери, вместе кинулись к зазвонившему телефону.

– О, Викуличка, наконец-то! – Услышали они голос мамы и тещи.

– Мапочка, мапочка! – Потянула на себя трубку Виктория.

– Что случилось, почему ты не прилетела, а прислала только чемоданы?

– Вот, представляешь, какая со мной оказия приключилась! Поехала меня, значит, Валя с Биробиджана провожать. Подходим мы регистрироваться, а очередь огромная, народ суетится, у всех веса больше нормы. А про меня и говорить нечего – я вам и варенья, и огурчиков с помидорчиками набрала, неподъемное все... Смотрю, два солдатика с маленькими чемоданчиками стоят. Видно, домой после службы возвращаются. Я к ним. «Сынки, – говорю, – зятю да внучке витаминов везу, помогите за ради Христа!» Ну, они и согласились, сдали в багаж мои чемоданы по своим билетам...

Глеб, тоже слышащий этот разговор, громко хлопнул в ладоши и сел на пуфик в прихожей.

– Ну, думаю, удачно получилось! – продолжила теща свой рассказ. – Стою, с Валею болтаю, спешить сильно некуда, только сумочка с билетами в руках и осталась. Вижу, прошли все, да и по радио объявили, мол, регистрации конец. Машу я, значит, рукой, – девочки, стойку не закрывайте, целую Валею, подхожу, билет и паспорт протягиваю, а они смеются...

– Что? – впервые за весь разговор вставила слово Виктория.

– Билет-то у меня на восемнадцатое марта куплен! Я, понимаешь, покупала его еще в январе, ну и сослепу-то циферку первую не увидела, когда телеграмму вам отправляла. А главное, и запомнила так, что восьмого лечу! Валею вот только понапрасну взбаламутила...

– Только Валею! – Сначала негромко, но потом все сильнее и сильнее принялся смеяться Глеб.

– Мам, ну как же ты так! Ты что, не могла сразу позвонить, как поняла, что не летишь?!

– Викуличка, детка, сегодня же международный женский день, праздник. Валя говорит: «Поедем ко мне в Биробиджан, отметим, раз не улетила». А ты же знаешь – туда от Хабаровска четыре часа на электричке. Но как только я вошла, детки вы мои дорогие, сразу набрала ваш телефон. Ну, а что там зятек мой ненаглядный, не хочет меня с праздником поздравить?

– На. – Жена протянула трубку Глебу, который от смеха уже практически свалился с пуфика, и даже начал икать. Перед его глазами стояли лица начальников, которые в этот самый момент занимались поисками его тещи, а главное – судорожно строчили объяснительные.

– Мам, – видя состояние мужа, продолжила говорить Виктория, – он тут от смеха загибается, даже говорить не может.

– Да-а, а что это, деточка моя, так его развеселило? Это он чего, над моей рассеянностью так потешается?

Вика закрыла трубку рукой и тихонечко толкнула мужа коленкой.

– Глеб, ну хватит уже угорать! Давай, успокаивайся и поговори с мамой. – Она протянула ему трубку и тоже хихикнула.

– Петровна, с празд... – новый приступ смеха не дал ему закончить фразу.

– Глеб, зятек, да что у вас там случилось?

– У нас? – с трудом преодолевая желание рассмеяться, продолжил Глеб. – Иностран-
ные шпионы, агенты всех мастей и разведок зубы сломали в попытках выяснить расположе-
ние стратегических ракет и воинских частей, угрожающих Америке, а бабушка «Шапокляк», с
зонтиком и в шляпке, получила разрешение влететь в пограничную зону и обошла все желез-
ные шлагбаумы и запреты, отправив багаж на закрытый военный аэропорт.

– Зятек, ты это сейчас с кем разговаривал? – наконец-то поняв, о чем идет разговор,
лукаво произнесла теща, подыгрывая шутке Глеба.

– Ладно, Петровна, я поздравляю тебя с международным женским днем, желаю тебе здо-
ровья и новых творческих планов в полете восемнадцатого марта.

– Служу Советскому Союзу! – ответила та, отключаясь.

Глеб хотел было опустить трубку на аппарат, но Виктория мягко остановила его и, нежно
проведя ладонью по лицу, произнесла:

– Позвони мужикам-то, небось, на ушах стоят. Ты на них нарычал, они других грызть
будут... А сегодня же праздник, всех дома жены ждут.

Глеб улыбнулся, эта мысль тоже пришла ему в голову.

Виктория и уже ковыряющая в комнате замки чемоданов Шурка принялись разбирать
багаж, когда Глеб, дозвонившись до начальника аэропорта, снова начал смеяться над «шпион-
скими» замашками своей находчивой тещи.

Взвейтесь соколы американскими орлами

Глеб работал в своем кабинете на третьем этаже. За окном яркими цветами пестрела тундра, солнце стояло высоко, начинался август.

Документы, которые он сейчас смотрел, не нравились ему: инструктора, готовящие вопрос на бюро райкома партии, раскрыли тему плохо, а меры, которые они предлагали для решения вопроса, были поверхностными и проблемы не решали.

– Валя. – Он нажал на кнопку селектора и соединился с секретаршей. – Пригласите ко мне на... – Глеб задумался, пробегая глазами график своих сегодняшних встреч. – На шесть часов заведующего промышленно-транспортным отделом с документами по ТЭЦ. А к одиннадцати машину, поеду на рыбозавод...

Неожиданный звонок другого телефона не дал закончить разговор. Он повернул голову налево, – а именно с этой стороны, немного поодаль от бумаг и селектора, стояли два телефона, у которых вместо наборных кругов были большие, серебряного цвета гербы Советского Союза. Он прислушался, определяя, какой из двух звонит, и поднял трубку телефона председателя КГБ по Чукотскому автономному округу.

– Приветствую тебя, Глеб Михайлович, дело срочное и важное. – Голос в трубке был строг и серьезен. – Пограничники и военные сообщили, что над океаном обнаружена низко летящая цель. Похоже, это легкий двухмоторный самолет. На запросы они отвечают, но на английском языке, поэтому никакой ясности нет...

– Американцы? – перебил Глеб.

– Да. Судя по траектории полета, летят на Анадырь. Еще немного, и они нарушат государственную границу.

– Е мое, и какие наши планы? – Глеб хорошо помнил инструкции и секретные коды, которые описывали его действия в подобных ситуациях, но одно дело – читать свои обязанности, другое – кинуться их выполнять.

– Глеб Михайлович, звоните в обком, давайте начнем согласовывать свои действия и получать разрешение на ликвидацию цели. Все, не отходите от аппаратов. – В телефоне раздалась гудки.

– Валя! – Он увидел, что кнопка селектора светится, и секретарша все еще находится на линии. – Машину к подъезду. Позвони пограничникам, пусть подгонят к причалу катер и ждут. – Глеб отключился, не дожидаясь ответа. Он знал – она все выполнит хорошо.

– Николай Иванович! – Соединился он с обкомом по второму, прямому телефону. – У нас нарушение границы, воздушная цель...

– Знаю, знаю! Жди! Мы ждем, и ты жди. В Москве решают, сбивать или сажать.

– Николай Иванович, пока они там решают, самолет-нарушитель либо уйдет, либо приземлится прямо у нас в аэропорту!

– Тебе говорят: жди! Все, не отходи от телефонов. – Раздраженно выкрикнул в трубку секретарь обкома и отключился.

Глеб поднялся с кресла, тишина съедала его мысли звоном и натягивала нервы. Подойдя к окну, он посмотрел на чистое и светлое небо.

– Нет, тут что-то не так! – заговорил он сам с собой. – Если бы это была провокация или фотографирование нашей береговой линии, то он бы летел высоко и уж точно не отвечал на запросы.

Прямой из комитета разразился звонком именно в тот момент, когда Глеб тянулся к трубке.

– Михалыч, пограничники мне говорят, ты катер на причале держишь? Давай через десять минут на нем встретимся, американцы запросили посадку, идут на Анадырь.

Он положил трубку, теперь вопросов стало еще больше. Надев плащ, Глеб достал из сейфа пистолет Стечкина и вышел из кабинета. Спускаясь по лестнице, он чувствовал, как громыхает сердце, адреналин вызывает азарт, приятная тяжесть пистолета вкупе с красными корочками секретаря и важностью происходящего переполняет его сознание гордостью.

Потом все было на одном дыхании. Уазик, поднимая пыль, несясь по городу к причалу; большой пограничный катер, рассекая волны и сверля воду винтами, переправил его на другой берег лимана, а ожидающий там БТР, оставляя черные клубы дыма, доставил на взлетную полосу аэропорта «Анадырь». Передвижной армейский штаб на базе трехмостового Урала шумел приказами, шорохом рации и щелкающими тумблерами, когда Глеб и комитетчик вошли внутрь.

– О, а вот и кавалерия подросла! – произнес молодой полковник, протягивая руку для приветствия. – Располагайтесь, будьте как дома. Гости пожалуют через десять минут, гражданские диспетчера уже дали им коридор на посадку, в конце полосы мы поставили МИГИ. Как только нарушители приземлятся, пограничники и два взвода охраны блокируют их на земле.

– Так, а что они говорят, почему летят к нам? – заговорил Глеб, сев в предложенное ему кресло.

– Я, товарищ секретарь этого не знаю – они же там не на русском болтают. У меня вообще первый приказ был подготовиться сбивать, потом поднять перехватчиков и сажать, теперь – встречать. Словом, каждые полчаса новые вводные.

– Вы обеспечили нам связь с областью? – вмешался в разговор комитетчик.

– Так точно! – Полковник улыбался, и это немного смягчало обстановку. – Вот наушники, этот тумблер с обкомом партии, этот с областным комитетом государственной безопасности.

– Заходит, на посадку заходит, товарищ полковник! – Услышали все присутствующие голос дежурного диспетчера.

– Давай наружу, – обратился комитетчик к Глебу. – Посмотрим, что это за гуси лапчатые к нам в гости летят!

Они вышли на улицу и, прищуривая глаза, стали всматриваться в небо. Запах тундры, настоящий на цветах и болотах, ласкал обоняние сладким ароматом. Маленькая точка, опускаясь по направлению к посадочной полосе, оставляла за собой еле заметный шлейф дыма.

Глеб посмотрел по сторонам. Солдаты с автоматами наперевес застыли в ожидании, БТРы направили стволы станковых пулеметов на ориентировочное место приземления самолета. Вдруг, почти у самых ног Глеба, из норки резко выскочил лемминг. Озорно вращая головой и оценивая обстановку, он посмотрел на человека, на большую машину, на идущий на посадку самолет, нервно дернул хвостом и юркнул обратно.

Комитетчик достал бинокль, а небольшой, выдавший виды самолет, гася скорость элерами, катился прямо на них и зверски скрипел тормозами. Напряжение нарастало, Глеб достал из кармана пистолет и, положив палец на предохранитель, замер в ожидании неизвестности.

Винты этакерки с мотором, – а именно так и можно было охарактеризовать этот летательный аппарат при ближайшем рассмотрении, еще крутились, когда дверь кабины пилота открылась, и оттуда с трудом, сначала один, а потом и другой, спустились на землю два американца. Они были ровесниками прилетевшего самолета. Ковбойские шляпы, сапоги-казаки, потертые джинсы и такие же куртки; седые волосы и обветренные лица красноречиво говорили о том, что перед встречающими стояли brave парни лет семидесяти.

А когда они потянули из кабины самолета две литровые бутылки виски и просияли блестящими белизной улыбками приветствия, Глеб, убирая пистолет обратно в карман, понял – нужно идти им навстречу.

Английский, а тем более искаженный вставными протезами говорящих, Глеб понимал очень плохо. Поэтому, только спустя несколько минут поисков в своей памяти забытых еще на уроках в школе слов и выражений, и прибавив к общению жестов, он все-таки стал понимать, кто перед ним стоит. Ну, а когда старички достали из кабины газету, где на весь разворот была статья с большим количеством фотографий Горбачева М.С., разговаривающего на улице с американцами, Глеб догадался, почему прилетели эти бравые парни.

Вернувшись в штаб, где с нетерпением, и все еще сохраняя суровое выражение лиц, толпились военные и комитетчик, он надел наушники, щелкнул тумблером и соединился с обкомом партии.

– Николай Иванович, докладываю. К нам из города Ном, Аляска, прилетели два старых американских летчика. Они во время войны, с сорок второго по сорок четвертый годы летали на Анадырь и перевозили для нашей армии продукты питания, запчасти к автомобилям, оружие. Словом, второй фронт пожаловал.

– А какого черта их сейчас к нам занесло??

– У них в руках газета, там фотография Горбачева Михаила Сергеевича, статья называется: «Русский Президент говорит, что холодная война между Америкой и Россией закончилась».

– И что? – Голос секретаря обкома был суров и раздражителен. – Теперь каждый американец может нарушать нашу государственную границу?

– Николай Иванович, – Глеб старался говорить как можно спокойнее, подбирая нужные слова и аргументы, – они говорят, что сегодня отмечают скорбный день памяти по погибшим тут, над океаном, американским летчикам.

– Да чего они болтают! До Чукотки немцы никогда не долетали, и боевых действий тут не было.

– Они падали в океан, когда их самолеты покрывались льдом, и погибали, осуществляя доставку нам грузов в суровых условиях долгой, северной зимы. – Глеб выдохнул. Сказанная фраза понравилась ему самому, расширила глаза стоящих рядом с ним офицеров и смягчила сердце и тон секретаря.

– М-да! Ты хочешь сказать, что это прилетели герои, и нам их нужно как-то встречать?..

– Товарищ секретарь обкома, давайте снимем оцепление, посадим их в машину и отвезем в здание аэропорта! Там накроем в ресторане столы, угостим, так сказать, по-нашему, по-русски.

– Ладно, действуйте по обстановке. Но чтобы через четыре часа эти американские орлы улетели. Буду звонить и докладывать в ЦК. Ты не представляешь, сколько придется разговаривать, чтобы все наши силовые структуры закрыли глаза на это нарушение границы!

– Есть через четыре часа отправить гостей домой! – Глеб отключил рацию и поднял глаза на присутствующих.

Все улыбались, такое развитие событий удивляло и будоражило. Перестройка, провозглашенная где-то в далекой Москве, вдруг для всех присутствующих оказалась реальной и ощутимой. Железная машина дисциплины и уставов задумалась и все-таки не брякнула кулаком по столу. Полковник кинулся звонить своему начальству, комитетчик – своему, и потом все вместе сидели за накрытым угощениями столом.

Язык, на котором говорили все, был настоян на слезах американских пилотов, пьющих за своих погибших товарищей, на нашем уважении к их помощи в период войны и на висящей в воздухе атмосфере понимания и дружбы.

Когда американцы улетели, Глеб, комитетчик и полковник еще долго курили на взлетной полосе, всматриваясь в прозрачное небо Чукотки.

Расставаясь, они крепко пожали друг другу руки. А проезжая мимо зачехленных МИГов улыбнулись, подумав про себя, что тундра сегодня пахнет как-то по-особенному сладко.

Четыре восьмерки Дракона

Виктория ойкнула и проснулась.

– Что? – Подошел к кровати Глеб. – Пинается, на волю просится?

Виктория ойкнула еще раз, ощупывая свой живот. Она прислушивалась.

– Да, нет, Савушка лежит спокойно. Но все равно – собирайся, похоже, воды отходят. Вызывай машину и поедem, время наступило...

Глеб выбежал в коридор и только хотел включить рацию, как зазвонил рядом стоящий телефон. Еще раздумывая над очередностью своих действий, он скорее машинально, нежели осознанно поднял трубку.

– О, сынок, здравствуй дорогой!

– Привет пап, только ты извини, долго говорить не могу – Викторию пора отвозить в роддом.

– Отлично! Тогда я коротко. Два часа назад мы с мамой посадили Шурку на военный самолет, в Быково. Поэтому давай, встречай ее у себя часов через восемь.

– А солений-варений положили?

– Спрашиваешь! Сбил здоровый ящик, два солдатика его еле на борт подняли.

– Ладно, пап, извини, нужно бежать! Встречу дочь, рожу сына и позвоню.

Глеб положил трубку, вызвал по рации уазик, и уже через полчаса получил на руки одежду жены, улыбку нянечки и нервную дрожь, быющую приятными кулачками надвигающихся событий.

Выйдя из больницы, он пошел к себе на работу. Здание райкома было недалеко и стояло на возвышении. Народ должен был знать своих героев, и поэтому в каждом Российском городе эти здания строились монументально строго, подчеркивая важность работающих там людей. Минувя милиционера и поднявшись к себе на третий этаж Глеб, не сбрасывая кожаного плаща и шляпы, сел в кресло. Перевернув листочек календаря, громко прочитал:

– Двадцать восьмое августа, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Вот это да! Четыре восьмерки, год Дракона! Давай, Викуля, договорись с природой – сегодня потерпи, а вот наступающей ночью, хоть в одну секунду после двенадцати, покажи свету пацана.

Звонок отвлек его от приятных раздумий, он посмотрел на светящуюся кнопку селектора – на линии были военные.

– Да, слушаю вас!

– Глеб Михайлович, это замполит из Гудыма. У меня поручение разыскать вас. В шесть часов вечера мы ожидаем самолет из Москвы, на нем летит ваша дочь...

– А, да-да, спасибо. Сам только что собирался звонить, разыскивать мою красавицу, а тут вы, огромное спасибо. Всего вам хорошего.

Отсоединившись, Глеб прислушался. Большие, напольные часы в углу кабинета бесшумно качали маятник, до прилета дочери оставалось время и он, решив, что может позволить себе немного поспать, прошел в комнату отдыха и развалился на диване, сдвинув шляпу на нос. Закрывание и открывание глаз заняло у него два часа. Сон, который по ощущениям был, улетел, едва в сознание скользнула первая мысль.

Он посмотрел на окно, и проснулся быстрее молнии. До прилета оставалось еще три часа, но тучи, черные тучи, рысцой бегущие по небу, напугали его.

– Этого мне только не хватало! – сказал Глеб, выбегая из кабинета. Причал, откуда на другую сторону лимана ходили корабли, тоже, как водится в маленьких городах, был рядом с райкомом. Но, уже подбегая к нему, Глеб понял: штормовое предупреждение, обозначенное красным флагом и пришвартованными катерами, не даст ему возможности перебраться на другой берег...

– Черт побери! – произнес он громко, вращая головой во все стороны в поисках решения надутой ветрами проблемы.

– Нет, дружок, это Ангел, – шепнули сверху, и он увидел пограничную машину, заруливающую на парковку перед причалом.

– Мичман, рация в машине есть? – выкрикнул Глеб, приближаясь к автомобилю.

Медленно соображающий, но уже хотевший что-то ответить, и для этого открывший рот моряк, тут же получил под нос удостоверение Глеба; мгновенно сориентировавшись и, махнув рукой под козырек, произнес:

– Конечно, у нас все машины с рациями!

– Давай-ка, товарищ, крутани ручки и соедини меня с командиром. Кто-то сверху и в этот раз помог и правильно соединил его, и уже через полчаса Глеб, прыгая на волнах, как ковбой на родео, шел по бурному океану, глотая брызги и вдыхая соль.

Спустившись на берег, он еще какое-то время качался и менял цвет своего зеленого лица на синий. Тучки, приглашенные ветром к веселому гулянию, ударили снежным зарядом, покрывая тундру белым ковром.

– Ну вот, – сказал он, поднимая воротник, – снег в конце августа... Мальчик, точно будет мальчик! Еще не родился, а уже свои драконьи шалости на небе устроил. Прохудил облака, ветра нагнал, похоже... – Он посмотрел на небо. – Пурга собирается. Только бы вояки не развернули самолет с Шуркой для посадки на Шмит, или еще куда подальше!

Сомнения и опасения мучили его всю дорогу, пока он шел, наклонившись на ветер, к посадочной полосе.

Его план, что охрана военного объекта обязательно должна заметить его и выехать навстречу для проверки документов сработал, и уже через тридцать минут он ехал к самолету, который почему-то прилетел раньше и стоял под разгрузкой.

Подъезжая, Глеб сразу увидел дочь – в красном пальтишке и такого же цвета шапке с большим помпоном она переминалась с ноги на ногу рядом с огромных размеров ящиком. Он выпрыгнул из машины, подхватил ее на руки и стал целовать сладкие, загорелые щечки, носик-пуговку и озорные глазки, хранившие усталость большого перелета.

Вокруг шел снег, бегали солдатики, порывистый ветер холодом пробивал одежду, а им было хорошо. Шурка, оказавшись в руках отца, наконец-то почувствовала себя дома, а он смотрел на подросшую за время летних каникул дочь и думал что скоро, очень скоро они будут жить вчетвером...

Закончив с погрузкой багажа и понимая, что рисковать, переправляясь через лиман с ребенком было бы неправильно, Глеб попросил отвести их в поселок Угольные Копи. Там уже две зимовки подряд его московские друзья боролись с бытом общежития шахтостроительного управления.

Шурка заснула сразу, как только ее опустили в кровать и накрыли одеялом. Друзья покормили рыбок, плавающих в коричневой чукотской воде, поставили на стол все, что было в холодильнике и висело в авоське за окном, разлили по стаканам водки из бутылки с пробкой-бескозыркой и, закусывая хлебом, стали отмечать встречу. В четыре часа утра дежурный по общежитию нашел Глеба, уставшего есть и гулять, сообщив всем с порога комнаты главную новость: пурга на улице прекратилась именно потому, что у товарища секретаря родился сын.

– Ура!! – дружно выкрикнули присутствующие, разбудив Шурку. – Выпьем за пришедшего в этот мир мужика!

Глаза, рюмки и стаканы встретились, отдав натиску настроения и счастья звон, а печени – алкоголь. Праздник, получив новость как допинг, зашумел звонкими голосами, смехом и радостью общения.

Под утро, когда уже только состояние эйфории удерживало его тело в равновесии, Глеб вышел на улицу глотнуть свежего воздуха и поговорить с небом. Луна уходила, солнце вставало, снежное полотно тундры искрилось, когда Глеб закрыл глаза и отправил слова своей молитвы высоко вверх.

– Спасибо тебе Господи, что дал моей девочке прилететь до пурги. Спасибо, что прислал на причал мичмана и пограничный катер. Спасибо, что дал нам с Викторией сына, подарив ему при рождении бесконечность и судьбу дракона.

Он посмотрел по сторонам – улица была пуста, склонил голову и перекрестился. На чьем-то дворе прокричал петух, Глеб улыбнулся: его слова и молитва были приняты.

Сверху на все это смотрел ангел и, рассуждая, качал головой.

– Коммунист, чертей поминает, в церковь не ходит, а туда же – с Богом ему нужно разговаривать! Китайских книжек начитался и умиляется, что мальчик родился под знаком великой бесконечности и в год Дракона...

Глеб вернулся в комнату, разделся и лег, обняв маленькое, свернутое калачиком тельце дочери.

– Вот-вот, – продолжил ангел, – спи лучше, сил набирайся! Идут перемены и испытания! Скоро, очень скоро жизнь позовет тебя в дорогу, где самым главным условием будет умение все начинать сначала...

Хана, белые вернулись!

Много на Чукотке мест, куда не ступала нога человека. Есть удивительные поселки, в которых проживает сохранившаяся только в этом месте народность. Однажды, собрав в дорогу рюкзак, Глеб вылетел на вертолете в село Чуванское – жители в нем были чуванцы, а находилось оно в низовье реки Анадырь.

Причина, по которой ему предстояло это путешествие, была, с одной стороны, очень серьезна и строга, но с другой – вызывала улыбку и требовала подробного разбирательства. Поэтому дорогой, чтобы скоротать время в полете, он снова стал читать анонимку, пришедшую к нему из обкома партии с резолюцией срочно принять меры и наказать виновных.

«Уважаемый начальник партии! – Почерк был коряв и неразборчив. – Николай Омрынто, председатель нашего сельского Совета, ведет плохой образ жизни. В одной яранге у него живут жена и двое детей, а в другой – молодая ламутка Наташа. Разве это правильно, что у коммуниста сразу две женщины? А еще у нас в поселке очень тяжелая жизнь, дизельный генератор включают всего на несколько часов. В библиотеке, кроме старых газет и журналов, ничего нет. В местный магазин уже много лет не завозят товары, которые нам очень нужны. Нет батареек к радиолам, керосиновых ламп, упряжек для лошадей, патроны продаются только одного калибра. Чай и сахар сырые, невкусные. А у Омрынто в яранге есть все. Пожалуйста, прилетите и накажите его. Письмо не подписываю».

– О, как! – сказал Глеб, закрывая глаза. – Прямо мексиканские страсти по-чукотски!

Вертолет стучал винтами, как старый Зингер, пробивающий сшиваемую кожу. Глеб немного покрутился на жестком кресле и заснул. Его маленький сын Савва по ночам спал плохо, часто просыпался, и ему, как и всем молодым папам, приходилось укачивать его ночью, давая жене возможность хотя бы немного отдохнуть. Сильный толчок, вызванный ударом колес о землю, разбудил его. Шум работающего двигателя стал стихать, Глеб открыл дверь и спрыгнул на землю. Прямо перед ним, метрах в пятидесяти, стояли несколько человек. Но стоило ему сделать первый шаг, как они тоже двинулись ему навстречу.

– Омрынто, председатель сельсовета. – Высокий человек с красивой проседью, загорелым лицом и уверенным взглядом подошел к нему первый и протянул руку для приветствия.

– Белов Глеб Михайлович, – представился секретарь всем, крепко пожимая руку председателя.

– Вот, это наше село!

Глеб посмотрел по сторонам. Десяток маленьких деревянных домиков расположился вдоль реки.

На поляне стояла единственная сосна, рядом с ней, вертикально, в виде шатров, были сложены палки.

Дети катались на велосипедах, бегали собаки, а молодой жеребенок лежал в тени кустарника, мотал головой и фыркал на приставучих мух.

– Пойдемте, – после небольшой паузы продолжил говорить председатель, – я покажу, где вы будете спать.

Группа не представленных секретарю сельчан пошла следом, прилетевший гость был событием в их уединенной жизни.

Выделенный ему домик внутри оказался еще меньше, чем представлялось. Единственная комната с крохотным окном была убрана, но аскетично пуста, словно келья монаха. Бросив рюкзак на самодельную деревянную кровать, Глеб выглянул в окошко – вертолет отрывался от земли, ветер от винтов гнул траву; ящики с продуктами и почтой горкой лежали на краю поляны.

Он вышел на улицу. Железная стрекоза, сделав круг над селом, полетела в сторону горной гряды, возвращая тишину селу и окружающей его природе. Строго в соответствии с планами партии и своими убеждениями он пошел в библиотеку, где для встречи с ним собрались жители, готовые слушать о перестройке, наступившей гласности, строительстве в Анадыре пятиэтажных домов, бассейна, дворца пионеров и многом другом, что поражало их сознание величием и грандиозностью.

Начав говорить, он видел их жаждающие информации, внимающие лица, казалось, даже дети, сидящие на руках у женщин, были серьезны. Привезенные им из города продукты, приемники, батарейки, пластинки, книги, словом все, что со знанием было подобранно для его поездки товароведом Северосмешторга, весомыми аргументами дополняли его выступление.

Через три часа, счастливый и довольный собой, Глеб вернулся в свой дом и сразу лег отдыхать. На следующий день, утром, он был приглашен на ловлю хариуса.

За окном было светло. Июль в Заполярье не дает солнцу передышки, являя всю красоту белых ночей, и поэтому, когда Омрынто в четыре часа утра пришел его будить, Глеб не сразу понял, сколько времени и почему он «днем» спит.

– Что, Глеб Михайлович, непривычно? – улыбаясь, произнес председатель.

– Да уж! – единственное, что смог произнести Глеб, быстро одеваясь.

Выйдя из дома, они по тропинке пошли вниз к реке. Неожиданно за спиной Глеб услышал звук бьющих о землю копыт, а когда повернулся, то обомлел. По тропинке, прямо на него, неслась мохнатая черная лошадь. Всадник, сидевший на ней без седла, был в кителе белогвардейского офицера, на его фуражке светилась кокарда, португеей крест-накрест шли через грудь. Размахивая саблей над головой, он приближался, заставляя глаза Глеба расширяться от страха.

– Вот засранец! – Услышал он голос Омрынто у себя за спиной. – Михалыч, отойди, а то, не ровен час, зашибет!

Глеб отскочил в сторону, наездник молодецки присвистнул и промчался мимо него, поднимая пыль.

– Что это было? – Глеб посмотрел на председателя, лицо его было уже спокойно.

– Это наш Ваня. Сирота! Родители умерли, когда он был еще молодым. Сейчас на конюшне работает, конюхом.

– Почему на нем форма белогвардейского офицера? Шашка у него откуда взялась? Знаешь, в первую секунду, когда я его увидел, подумал: хана, белые вернулись.

– Да ну, что вы, Глеб Михайлович, какие сейчас белые! В двадцатых годах это точно, дошли они до этих мест. Вот, например, Ванькин прадед, чей костюм он по праздникам одевает, служил в царской армии и, прячась от красных, осел в этих местах.

– Ничего себе история получается!

Они снова вышли на тропинку, и пошли к речке.

– И много еще у вас таких колоритных конюхов в деревне проживает?

– Это еще что! Так, скромные цветочки... Он, бывает, все село веселит. Летом, вытаскивает приемник на улицу, поймает американское радио и громко песни поет, язык коверкает.

– Он что, английский знает?

– Откуда! Мы его в интернат отправляли хотя бы русскому научиться, не захотел. «Сбегу, – говорит, – в тундру и замерзну там! Будете тогда за меня отвечать». Потому махнули мы на него рукой и в покое оставили.

– Нет, ну каков в повадках своих, а?! В седле как сидит? Телевизоров у вас нет, где он смог все это увидеть, научиться? Шашкой машет, свистит, прямо заправский есаул!

– Отец его в детстве учил. Тоже лихо по селу скакал, да водка проклятушая сгубила. Заснул у кострища пьяный, а ночью его росوماха взяла.

– Что значит «взяла»? – Глеб мысленно представил себе небольшое животное размером с собаку.

– Задушила спящим! – запрыгивая в лодку, спокойным голосом произнес Омрынто.

– Да как же это возможно! Человек вчетверо крупнее, да еще с оружием.

– Говорю же – водка проклятая. Он, видно, так напился, что когда мы его останки нашли, то по следам поняли: даже и не сопротивлялся.

Омрынто дождался, пока Глеб сядет в лодку, и оттолкнул ее от берега.

– А мать что? Ты говорил, он сиротой рано остался. Тоже несчастный случай?

– Считай, что да! – Председатель сел на весла, и они тихо заскользили по воде. – Туберкулез. Пока подхватились лечить, умерла.

Глеб замолчал, парня было жалко. Суровая природа крайнего Севера поблажек не делала никому и забирала самых слабых.

Проплыв метров триста, они свернули в протоку и остановились. Глеб посмотрел вниз, чистота воды делала видимыми мельчайшие детали дна. Крупные хариусы с огромными, как паруса плавниками еле заметно шевелились, поднимающееся солнце скользило бликами по поверхности воды.

– Что-то я не вижу удочек, – осматривая лодку, уточнил Глеб.

– Удочек! – Омрынто улыбнулся. – Мы таким баловством не занимаемся. И если честно сказать, то и не умеем. Хариус рыба пугливая, а вода тут как слеза чистая, поэтому хоть к носу ей наживку поднеси, она брать не будет. Уйдет.

– А чем же мы тогда ловить будем?

– Сетью! – Председатель развязал свой рюкзак и достал оттуда путанку с пенопластовыми поплавками.

– Ты, Михалыч, давай, бери весло и начинай его вниз опускать так, чтобы ил со дна зачерпнуть. Проще сказать: мути мне нагони, а я в нее сеточку поставлю. Рыба метаться начнет и в нашу ловушку попадется.

Глеб, усердно исполняя поручение, уже через пятнадцать минут перебаламутил всю протоку, а Омрынто, ориентируясь по поплавкам, еще через десять вытащил четырех шикарных хариусов, каждый из которых был не меньше килограмма.

– Отлично! – подытожил Глеб, глядя на бьющуюся на дне лодки рыбу. – Теперь назад, в село?

– Зачем же назад! Мы отлично приготовим ее прямо тут, на берегу. Да и поговорить нам нужно, правда, секретарь? – Омрынто впервые назвал гостя так. Видимо, главная цель приезда была ему известна.

Выйдя из лодки, Глеб пошел прогуляться – собрать небольшие ветки, а заодно избавить тело от скопившейся жидкости. Вернувшись, увидел, что Омрынто разжег огонь не на старом кострище, а рядом.

– А почему на старом месте не разжег? – вырвался вопрос прежде, чем Глеб подумал.

– Мы, чуванцы, так рыбу готовим. Смотри!

Омрынто взял в руки старую, обугленную головешку и стал сильными пальцами превращать ее в мелкую пыль. Еще в трепещущей рыбе взрезал брюхо, выбросил кишки, желчь и жабры. Потом, словно в панировочных сухарях, извалял двух хариусов в угольной пыли и, положив их рядом с костром, поднял глаза на Глеба и произнес:

– Теперь будем ждать. После того, как костер прогорит, положим нашу рыбу на угли и углями присыплем сверху.

– Интересно. Мы так в походах картошку печем, у нее корочка такая вкусная получается, пальчики оближешь.

Они снова посмотрели друг на друга. Возникшая пауза подсказала Глебу, что председатель вежливо ждет начала главного разговора.

– Николай, тема деликатная, – начал Глеб. – Мне с Магаданского обкома партии переписали анонимку на тебя. Пишут, что ты поставил ярангу, поселил туда женщину и открыто, на глазах у сельчан, в двух семьях живешь.

Омрынто отвел взгляд в сторону. Пальцы его сжались в кулаки, желваки на скулах заходили ходуном. Резкая смена настроения насторожила Глеба.

– Эх, секретарь, секретарь! – неожиданно тихо и спокойно произнес Омрынто. – Давай я тебе расскажу, как это случилось, а ты решишь, что будем делать дальше. Этой весной, в конце марта, пошел я на охоту. Моя собачья упряжка лучшая в селе, – не без гордости произнес он, – псы молодые, сильные. Еду я, значит, по сторонам смотрю, а солнце по снегу лучами бьет, глаза слепит и слезы текут. Вдруг вижу, два белых оленя бегут вместе, и сильно так бегут, как будто напугал их кто. Пошел я им наперерез, а они как собак моих почувствовали, останавливаться стали. Дикий олень так никогда не сделает, а вот ездовой, обученный – это другое дело, для него эти запахи знакомы. Вот, значит, останавливаю я их, и вижу остатки кожаной упряжи. Я, знаешь, сначала подумал, что это ритуальные олени, чукчи, ламуты их еще прощальными называют. Но осмотрел со всех сторон – ни порезов, ни ран глубоких нет...

– Ритуальные? – перебил рассказчика Глеб.

– Да, обряд такой есть. Когда, например, ламут умирает, родственники его собираются вместе. Любимого оленя умершего убивают, а потом все вместе съедают, рога за селом на трех жлыгах подвешивают, и на них колокольчик с ленточками закрепляют.

Когда сильный ветер дует, колокольчик звенит, напоминает живым об усопшем. Насытившись, мужчины его рода или семьи оборачивают тело в тряпку и кладут на нарты, в которые впрягают двух оленей. Потом, чтобы олени сами без команды в тундру убежали, кто-нибудь берет нож и пробивает мышцу на задней ноге. Так, чтобы кровь выступила. От боли олени срываются с места и бегут долго, пока не устанут, но тут на след и запах крови выходят хищ-

ники: волк, медведь, росомаха. Олени снова бегут, но рана делает их слабыми, и они становятся добычей. Как и тело, лежащее в нартах...

– Ничего себе! Ты хочешь сказать, что тела ваших соплеменников съедают хищники, а кости с черепами лежат в тундре? – снова прервал рассказ Глеб.

– Да, а как по-другому? Это очень древний ритуал. Лопат у нас нет, а подо мхом – мерзлота и лед. Ну, продолжим мы яму и положим туда тело, и что? Мерзлота выдавит его и поднимет через год-два на поверхность, опять же – на съедение хищникам.

– Получается, что мест захоронений у вас нет, и кладбищ в нашем понимании тоже... Как же тогда вы вспоминаете об умерших?

– О, это вторая часть ритуала прощания!

Омрынто, следящий за костром, раздвинул угли и, положив в середину двух хариусов, продолжил:

– Когда олени с телом уходят в тундру, родственники разводят большой костер и приглашают шамана. Начинается танец пичьэйнэн, горловое пение, удары бубна, ярара, пляшущие языки огня, все подчинено одному моменту...

Глеб перестал дышать. Таинство рассказа, смешавшись с воображением и мистикой, овладело его телом, обострив все чувства и сознание. На мгновение ему показалось, что он сам сидит сейчас у такого костра.

– Вдруг, – продолжил Омрынто, – шаман останавливается, делает паузу, прислушиваясь к тишине, садиться у самого огня и спокойным голосом говорит: «Дух вашего родственника перешел в волка». Собравшиеся кивают головой в знак понимания. Теперь каждый из них, уходя на охоту, при встрече с волком не будет в него стрелять, признавая, что в нем живет дух их умершего родственника.

Омрынто достал из костра рыбу, положил ее на лист и протянул Глебу.

– Ты шкуру сверху сними, она очень легко сходит, и начинай есть.

– А почему – волка? – от волнения забыв сказать «спасибо», продолжил тему разговора Глеб.

– Это зависит от того, что именно увидел шаман в своем видении. Какое животное первым станет есть или клевать, – если это полярная сова, например, тело умершего, в такое дух и переселился. Поэтому мы, живя в природе, никогда не забываем своих ушедших предков. Ветер звенит колокольчиком в тундре, волк бежит по снежному насту, медведь в излучине реки лапой бьет кету – все напоминание о вечности.

Глеб снял шкуру с хариуса, розовое мясо с прожилками оказалось сладковатым.

Его чувства и настроение, смешавшись с дымом костра, речным воздухом, запахами тундры, купались в наслаждении воссоединения с природой.

Омрынто улыбался. Ему и самому понравился его рассказ и то, как внимательно слушал его гость.

Солнце поднялось высоко. Насекомые, овладевая пространством, тучами перемещались вдоль берега, грязь, поднятая Глебом во время рыбалки, осела на дно, открывая удивительную прозрачность воды.

– Николай, – снова заговорил Глеб, покончив с рыбой, – но ты так и не рассказал мне о тех двух оленях, которых повстречал в тундре.

– О-о-о, точно! Увлёкся! Но теперь, зато, будет более понятно, почему я, когда увидел на них остатки упряжи, подумал, что олени ритуальные. Так вот. Потом, когда я закончил их осматривать, по характеру разрывов ремней я догадался, что произошло что-то плохое. Похоже, нарты были прикреплены к упряжи чьей-то неумелой рукой, и во время бега олени, оторвавшись, ушли в тундру. Не знаю, что руководило мной в тот момент... – Лицо Омрынто стало серьезным. – Я развернул собак и поехал по следу оленей.

Он замолчал и тяжело вздохнул.

– Через день пути я сначала увидел легкий дымок на опушке леса, потом – сложенный из веток шалаш, а уже в нем нашел Наташу. Она замерзала, еда закончилась, холод лишил ее сил и возможности сопротивляться. Три дня я отогревал ее, кормил строганиной и поил горячим чаем с еловым настоем. Бог тундры, Пеликен, не взял ее жизнь, и она стала возвращаться в мир живых. Когда я привез ее в село, то сначала поговорил с женой и членами моей семьи. Мы решили, что она будет жить в отдельной яранге, так как молодая женщина должна жить самостоятельно. Я. – Он покачал головой. – Не муж ей, а отец! По нашим северным законам вернув ей жизнь, я становлюсь ответственным за нее. И меня очень огорчают эти разговоры о второй жене. Мои родственники знают все и считают Наташу частью нашей семьи, и только обозленный человек с плохими мыслями мог написать такое письмо в обком партии.

– Хорошо-хорошо, – видя, как расстроился председатель, быстро заговорил Глеб. – Не волнуйся, я верю тебе и напишу в обком правду. Но тот, кто нацарапал эту анонимку, наверняка живет тут же, в этом селе. Как ты думаешь, кто бы это мог быть?

– Тут и думать нечего! Этого писателя ты сегодня на тропинке к речке видел. Наташа ему отказала – он как-то раз к ней вечером в ярангу явился. Думает, если одна, то и заступиться некому. Услышал я крики, прибежал и выставил его вон, а ярангу ее ближе к своей поставил, чтобы ни у кого другого подобных мыслей в голове не появлялось.

Омрынто оторвал зеленую ветку кустарника и бросил ее на угли. Белый дым, поднявшись, отпугнул от них назойливых комаров.

– Понятно. Хочешь, я поговорю с ним? Тем более что мне не понравилось, как этот есаул по селу с шашкой носится.

– Нет, не нужно! Ты уедешь, а что про меня сельчане подумают? Сам не справился – начальника попросил! Нет, он хоть и моложе меня, но мы разберемся. И потом, Иван сирота, один живет, и может, если я с Наташей поговорю, и она его простит, так и сладиться у них чего... Он-то не пьет, мужик нормальный, работающий, конюх хороший, ветеринарное дело чувствует, болезни животных распознает.

Дым от ветки пошел сильнее. Глеб задумался, удивительная мудрость звучала в словах Омрынто. Сейчас им двоим, обладающим властью, ничего не стоило наказать анонимщика и хулигана, но величие силы сидящего напротив него человека заключалось не в справедливой мести, а в желании найти правильный подход к проблеме, погасить конфликт, и закончить все созиданием новой семьи.

– Знаешь, – заговорил Глеб снова, – если бы мы все могли так думать и делать, как ты, скольких проблем можно было бы избежать. Бытовое раздражение, злость и месть стоят между людьми силою крепостных стен. Маленький инцидент, дорожный конфликт толкает людей друг на друга с яростью океанской волны. А уважение и терпение возвращается к людям только в период раскаяния и сожаления за совершенные проступки. Сейчас в стране начинаются большие перемены. Наш самый главный секретарь, Горбачев Михаил Сергеевич, назвал это перестройкой. И я очень боюсь, что старым и изжившим себя назовут твой уклад мыслей, а вот новым будет считаться напористость и вседозволенность, как в случае с твоим анонимщиком...

Омрынто снова покачал головой.

– Нет, Михалыч, ворон, проглотивший в нашей народной сказке солнце, не смог долго сидеть с закрытым клювом. Жизнь сама расставит все по своим местам. Природа заложила в нас созидание и, рано или поздно, мы научимся жить в мире друг с другом.

Он поднялся, залил тлеющие угли водой и пошел к лодке, жестом приглашая Глеба следовать за собой. Дорогой до села они молчали. Омрынто думал о странном секретаре и его рассуждениях, а Глеб испытывал чувство искренней зависти к наивным, утопическим мыслям председателя и очень жалел, что их общение было недолгим.

Поднимаясь по тропинке к сельсовету он еще не знал, что загорелась тундра, и райкомовский вертолет будет задействован в ее тушении. Радиограмма, лежащая на столе Омрынто, подарила ему еще целую неделю общения с этим удивительно простым и искренним человеком, жизнь и рассуждения которого были созданы самой природой крайнего Севера.

Пурга и замерзшие колени

Все началось как обычно – подул ветер. В течение часа термометр опустился до нуля, и началась пляска мокрого снега, несущегося со скоростью автомобиля на хайвэе.

Глеб как обычно сидел на работе, писал бумажки, разговаривал по телефону, поглядывал в окно и жалел тех, кого нужда заставила выйти на улицу.

В три часа дня в его дверь постучали, на пороге стояла Валентина с ежегодником в руках.

– Глеб Михайлович, у вас сегодня по плану посещение урока истории. Выбирайте, куда бы вы хотели пойти?

– Валя, какие уроки! Метет на улице, школьники дома все, судя по ветру. – Он выглянул в окно и увидел одиноко стоящего посреди улицы человека. – Метров двадцать в секунду дует.

– Нет, старшие классы учатся. Предлагаю сходить в школу, которая рядышком с нами. Хотите, конечно, я и машину вызову, но тут всего пять минут идти.

– Валя, кто это придумал – посещать уроки истории в школе?

– Вы и придумали! – Секретарша кокетливо улыбнулась. – Это входит в план мероприятий, разработанных вами в целях выполнения постановления Магаданского обкома партии.

– Валя, но я тогда не знал, что мне придется бегать по пурге!

Он снова выглянул в окно: улица была пуста. Театрально вздохнув и всем своим видом показывая, что ему никуда идти не хочется, Глеб все-таки поднялся и стал одевать пуховик.

– Ну, так что? Звоню в школу, которая рядом? – снова спросила Валя.

– Звони!

Выйдя на улицу, он опустил уши у шапки, потуже завязал веревочки бантиком и, выбрав правильный угол наклона к ветру, пошел в школу.

Директор, маленькая круглая женщина с прической «тугой барашек» встретила его в вестибюле и, испытывая явное волнение, пригласила следовать за собой, так как урок уже начался, и нужно было спешить.

Зайдя в класс, Глеб обомлел. Прямо перед ним, у доски, с указкой в руках стояла Виктория. Ее глаза тоже расширились от удивления и неожиданности. Хитрющая директриса, придав своему голосу официальности, представила Глеба девятиклассникам и учительнице. Выходя из класса, она улыбалась, точно зная, в каких отношения находятся секретарь и педагог.

Глеб, понимая, что обратной дороги не будет, прошел на заднюю парту и, удобно устроившись, попросил Викторию продолжать.

Тема урока была та, что надо. Героические дальневосточные коммунисты, Лазо, японские захватчики, тяжелые бои с белыми и подвиги Красной Армии. Дети сидели не дыша. Их глаза горели интересом, мальчики открыли рты чуть больше положенного, спины у девочек были прямыми.

И в тот самый момент, когда знаменитый матрос Железняк повел свой бронетранспортер прямо по рельсам, раздался звонок, спасший Глеба от рвущегося наружу приступа смеха.

– Ты чего ржешь? – сказала Виктория, когда последний ученик покинул класс. – Вижу: сидишь, корчишься весь... Только попробуй сказать, что я плохо вела урок и неинтересно рассказывала детям о гражданской войне!

– Нет, урок отличный..! – Новый приступ смеха не дал договорить.

– Ну, а что ты тогда надо мной издеваешься?! – Виктория оттопырила губки, сморщила носик и придала лицу выражение детской обиды.

– Ладно-ладно, товарищ учитель. – Глеб перестал смеяться.

– На самом деле ты молодец. Дети слушали тебя, как замороженные, и тему ты хорошо раскрыла, правильно, с большевистских позиций. Поэтому выражаю вам благодарность! – Глеб подошел к Виктории и игриво пожал ей руку. – У меня нет сомнений – молодая смена находится в надежных руках педагога-новатора.

– Почему новатора? – удивленно произнесла Виктория.

– А как же! Траировка боевых действий матроса Железняка удивляет новизной и смелостью. – Глеб снова засмеялся.

– Ерничает? Давай уже, говори, чего я не так сказала? – Виктория угрожающе выставила вперед ногти, откровенно намекая на угрозу броска пантеры, ожившей в ней в этот момент.

– Товарищ педагог, вы в школе, держите себя в руках! Тут кругом дети, а за увечья секретаря при исполнении вам грозит еще одна ночная повинность.

Виктория сощурила глаза, сделала губы тонкими и тут же попала в объятия Глеба, без сопротивления перейдя к долгому поцелую.

Дверь класса немного отворилась без скрипа и закрылась снова. Директриса растаяла в собственной улыбке – таких проверяющих у нее еще никогда не было.

– Ну, что? – сказала Виктория, поправляя прическу и немного отстраняясь от мужа. – Теперь, агрессор... – Она демонстративно вытерла губы рукой. – Ты скажешь, над чем так смеялся?

– Да, придется раскрыть тебе большую государственную тайну. Матрос Железняк руководил бронепоездом, а на бронетранспортере по рельсам никогда не ездил!

– Что? И всего-то! Да это никто кроме тебя даже и не понял. Только зря целовала!

Они улыбнулись друг другу, оделись и вышли из школы.

Пурга чуть убавила оборотов, но стала холодной и колючей. Снег превратился в маленькие комочки льда и неприятно бил по лицу.

– Глеб, пойдем домой пешком, – сказала Виктория, туго застегиваясь на все крючки. – Целый день в школе просидела, хочется глоточек свежего воздуха.

– Пойдем. – Идея прогуляться перед сном ему понравилась.

– Да и ветер, похоже, будет дуть нам в спину.

Но он ошибся.

Завернув за угол школы и пройдя сто метров, они поняли, что холод пробивает одежду, а тяжелый снег больно бьет по лицу и коленям. Глеб остановился, наклонился к Виктории и громко, перекрикивая ветер, сказал:

– Вставай за мной и держись за пояс! Поняла?

Виктория кивнула головой, и они, приняв позицию танца летка-енка, гуськом пошли в пургу.

Дорога уходила от города, свет фонарей, словно в сказке, напоминал светящиеся шары с летящим в них снегом. Закрыв рукавицей нос и рот, Глеб, сохраняя тепло дыхания, периодически чувствовал, как Виктория дергает его за пояс.

Подойдя к дому, они почти на ощупь сориентировались в поисках крыльца, преодолели сугроб и сказали «спасибо» северной мудрости, позволившей людям строить так, чтобы входные двери тамбуров открывались вовнутрь.

Включив свет, Глеб свернул губы трубочкой и с силой выдохнул. Струйка теплого воздуха тут же стала белесой.

– Вот так, учительница моя! Пар изо рта идет, а это значит, что в помещении меньше четырнадцати градусов. А ты знаешь, как называют этот ледяной ветер оленеводы?

Виктория не ответила. Она тихо прошла к батарее в большой комнате и, присев рядом, положила на нее заиндевелые от мороза пальцы.

– Сейчас-сейчас! – Засуетился Глеб у старой печки. – Мы эту штуковину раскочегарим, и злой ветер Хиуз уберется к себе обратно в Канчалан.

Он быстро сунул в топку газету, щепки, сломал неуклюжими, озябшими пальцами несколько спичек и наконец-то развел огонь. Языки пламени, съев бумагу, немного ослабли, подбираясь к поленьям, но вскоре освоились и окрепли, отражаясь бликами на лице Глеба.

Растирая руки, Виктория поглядывала на него и тихонечко бубнила:

– Замерзла вся! Ты что, не знаешь, что умный муж выслушает свою жену и сделает все наоборот? Холод такой, пурга, а ты молодую, талантливую учительницу, маму твоих детей

заставил идти пешком целый километр. Хорошо, я в ледяную снегурочку не превратилась. Хотя... – Она сбросила с себя шубу, сняла шерстяные рейтузы, колготки и в недоумении посмотрела на мужа. Колени были белые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.